

ПУТЕШЕСТВИЕ

"Язык Италии золотой..."

Об итальянской — наряду со многими другими — составляющей Одессы написано немало. Это касается и исторических вех, и участия итальянцев в становлении и развитии Южной Пальмиры, и их вклада в многонациональную сокровищницу культуры, искусства, зодчества. Упомянем здесь лишь объединителя Италии Гарибальди, архитектора Бернардацци, звезд оперы и драмы, пленивших молодых Пушкина и Бабеля... В нашем музее — полотна великих итальянских мастеров. Одна из главных улиц Одессы называлась Итальянской, в городе есть Генуэзская и Итальянский бульвар. Мы и сегодня ходим по тротуарам из вулканической плитки Везувия — ее привозили в Одессу в трюмах кораблей как балласт, а обратно возвращались с зерном.

Еще об итальянцах в Одессе — в публикации Ростислава Александрова на страницах этого номера альманаха.

Об Италии — и материалы традиционной подборки "Путешествие". Три одессита недавно побывали в этой стране, и каждый увидел ее по-своему.

Феликс КОХРИХТ
Рим Феллини 276

Стас ЖАЛОБНЮК
SPQR 283

Иван ЛИПТУГА
Милан: Дуомо и Скала 284

Рим Феллини

Всю свою юность, пришедшую на хрущевско-эренбургскую Оттепель, я открещивался от "железного Феликса": меня нарекли не в честь основателя ВЧК Дзержинского, а в память о деде с материнской стороны – лесоторговце из Шепетовки. Звали его Эфраим, по-домашнему – Фроим, дедушка Фройка.

...Назвать советского младенца библейским именем родители не решились и подыскивали похожее – на "Ф". Так я стал Феликсом. Не самое, поверьте, удачное имя для послевоенного пацана – пусть даже из многонационального и тогда еще толерантного одесского двора. Да еще – огненно-рыжего. Приходилось драться, отстаивая и цвет волос, и имя.

Для мамы я был Фелинькой. В школе, да и после нее меня переименовывали в соответствии с литературными и иными пристрастиями. К примеру, в годы увлечения Хемингуэем и Сэлинджером прозвали на американский лад – Филом, да и сегодня Женя Голубовский иной раз позовет меня именно таким образом. Знарок джаза Юра Затворницкий именовал Феличком – в честь известного чешского саксофониста. Однокашник Вова Владимирский нарек по-простецки – Филимоном. а то и Филей. Олег Губарь ласково окликает: Теофил...

А вот художник Люсик Межберг, с которым мы в молодости пробивались на закрытые просмотры зарубежных кинофильмов, особенно на ленты итальянских мастеров, называл меня Феллини. Мы были преданными поклонниками великого режиссера и знали наизусть "Дорогу", "Сладкую жизнь", "Восемь с половиной". Мог ли я тогда предположить, что буду брать интервью у друга синьора Федерико, автора сценария гениального "Амаркорда" Тонино Гуэрро, и он подарит мне свой рисунок...

Но это было значительно позже, а в 60-70 годы я дружил с молодыми ребятами, только начинавшими поиск своего пути в искусстве. Если Межберг к тому времени уже состоялся и слыл известным мастером,

то Саша Ануфриев был в самом начале пути. Он искал и находил свою манеру в экспериментах художников Нового времени и вскоре стал одним из основоположников одесского авангарда. По мнению многих критиков и искусствоведов, "Портрет на фоне Колизея" является знаковым образцом творчества Ануфриева периода его становления. По воле судьбы быть изображенным на фоне древнего римского сооружения выпало мне.

И вот почему. Именно я поздним июльским вечером 1961 года помог Саше утащить с улицы в его с юной Ритой коммуналку на Осипова афишу белорусского театра, гастролировавшего в Одессе. Она была выполнена на добротном дефицитном холсте, обратная сторона которого подходила для воплощения созревшего у Саши замысла. Именно я, как оказалось, более всего соответствовал этому замыслу.

...Впрочем, Саша со мной своей задумкой не поделился, а просто усадил на железной супружеской кровати, заставил опереться на ее спинку и замереть...

Через час с небольшим он повернул холст к нам. И я, и Рита с изумлением увидели некий персонаж с огненной вздыбленной шевелюрой, за которым грозовые тучи неслись над древними стенами Колизея. От меня у него наличествовали цвет волос и глаз... Это был я, но не "тогдашний" – веселый одесский паренек, а человек, многое уже переживший и прочувствовавший... Иными словами – как бы портрет Дориана Грея авансом.

Не буду входить в подробности своей жизни, но через годы у меня случились именно такие глаза, но вскорости, к счастью, остались лишь на портрете. А вот шевелюры огненной уже нет.

В начале 80-х годов Сашу Ануфриева – бунтаря и "абстракциониста" – вынудили покинуть СССР. Вскоре он попал в Рим, и там его случайно увидел наш общий приятель. Саша сидел в кафе, облокотившись спиной на железную ограду, а за его спиной высился Колизей, и по римскому небу неслись грозовые тучи. Он – жгучий брюнет – повторил меня на ТОМ портрете...

Накануне нынешнего 2011 года мы с Таней прилетели в Рим. Ранее бывали в Италии, но в Вечном городе оказались впервые. Разумеется, мы с друзьями – Алексеем и Леной – заранее составили маршруты прогулок по Риму, отметили на карте исторические памятники и музеи, о которых слышали с детства. Но, признаюсь, мне не терпелось прежде всего побывать у стен Колизея и увидеть наяву то, что Саша десятилетия назад угадал в своем воображении.

Как я и предполагал, он оказался на высоте. Стены древнего архитектурного колосса оказались именно того – приглушенно терракотового

(римского!) оттенка, который я бы рискнул назвать античным. В этот декабрьский день тучи из-за Тибра неслись над пустыми глазницами арены, предсказывая, словно Авгуры, неминуемый дождь. Но он не состоялся в этот предновогодний день – и это было мне подарком!

Я привез с собой репродукцию портрета, и римские зеваки, и любопытные туристы стали свидетелями моей попытки заглянуть в молодость...

Уверен, этого не стоило делать, но так хотелось!..

Колизей начал возводить император Веспасиан в 72 году н. э.

Я много читал об этом символе древнеримской идеологии, о лозунге "Хлеба и зрелищ!", актуальном и сегодня, но лишь здесь из путеводителя узнал, что основной рабочей силой на этом режимном объекте были пленные иудеи, привезенные из разрушенного Иерусалима. Строили на века...

А потом мы взбирались на Римские холмы, где Таня кормила вечных римских кошек...

Чуть было не встретились с римским папой в садах Ватикана – он только что прогуливался по любимой дорожке...

На развалинах императорского дворца я вслед за незабвенным Каем Юлием Циммерманом, делившим с бухгалтером Берлагой палату в Доме умалишенных города Черноморска, вскричал, обращаясь к моим спутникам: "Все на Форум!". И они с пониманием последовали за мной.

Римские гетеры предложили скидку мне – как легионеру...

Любопытно, что за восемь дней мы не встретили ни одного мужчину с римским профилем...

В Пинакотеке мы увидели античного Лаокоона с детьми и змеями, и наш – одесский – оказался нам ничуть не вторым: надо бы и его, как римского, убрать с улицы и укрыть от стихий и варваров...

На площади Венеции, уловив момент, можно сделать барышне уно комплименто...

Много великолепных картин Караваджо – в музеях, на виллах, в церквах. Каждую рассматривали породственному, волновались, как бы не украли...

Видел я, как сомалийцы у Тритонова фонтана свежим римским утром ранним белокурым двум арийцам предлагали Тициана...

Ложечка дегтя в бочку римского меда (а он здесь на удивление душистый!). Как известно, великий Гоголь подолгу жил в Вечном городе, ему хорошо работалось в кафе "Gresco" – здесь он писал "Мертвые души". Нынче этому куртуазному заведению стукнуло 260 лет, и оно всегда переполнено. Все здесь дивно – и интерьеры, и старый рояль, на который, бывало, облакачивался писатель... И при этом великолепии нам подали (8 евро чашка!), пожалуй, самый хреновый кофе за мою жизнь – даже тот, что я пил в 1950 году из бачка в пионерлагере на 10-й станции Большого Фонтана, был куда лучше. Зато в крохотном – и тоже всемирно известном – кафе " S. Eustachio" (недалеко от Пантеона) мы насладились эспрессо (1 евро!), приготовленным по рецепту, который владельцы заведения передают по наследству и держат в строгом секрете...

Тридцать первого декабря вечером ужинали в уникальном ресторанчике, где к пасте (макаронам) предлагают сотни соусов, один из которых называется "Мафиози".

Взрослые и дети, кушайте спагетти! И тогда вы не умрете – ни за что на свете...

После ужина отправились на один из семи римских холмов, на котором стоит президентский дворец. Запаслись традиционными для этого

случая бутылочками шампанского и с двенадцатым ударом часов сделали первый глоток. Из окошка третьего этажа кто-то выглянул и взмахнул рукой. Судя по восторженной реакции римлян, это был президент...

Небо над Вечным городом озарили огни фейерверка, впрочем, куда более скромного, чем те, что взрываются на склонах Ланжерона по случаю дня рождения владельца прибрежного кафе...

За день до отъезда мы отправились к фонтану Треви, в котором вожденная скандинавская дива Анита Экберг плеска-

лась на глазах изумленного ее статуарностью Марчелло Мастороянни – альтер эго (второго "Я") Федерико Феллини, снявшего здесь одну из ключевых сцен своего шедевра "Сладкая жизнь". В этот фонтан каждый, кто мечтает еще хотя бы раз побывать в Риме, должен через левое плечо правой рукой бросить монетку... Так мы и сделали, но местные божки будут немало разочарованы: мне подвернулась копейка...

В Риме снималось много культовых фильмов. Упомяну классику неореализма – "Рим открытый город" и "Мама Рома" с неистойвой Анной Маньяни, романтическую любовную историю "Римские каникулы" с трогательной Одри Хепберн, но, пожалуй, точнее и глубже суть Вечного города – с его солнечными площадями и сумрачными катакомбами, гениями и злодеями, грешниками и праведниками, возвышенным и земным – открыл нам фильм "Рим Феллини", звучащий, как имя и фамилия.

Рим Феллини. Мой Рим.

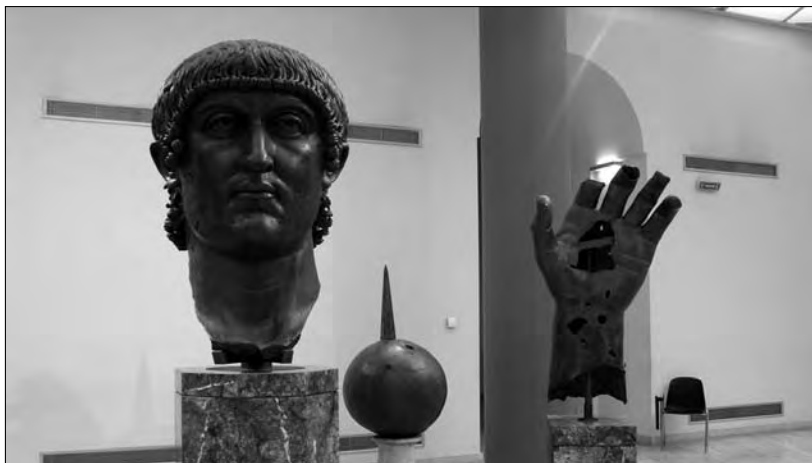
Лишь в Одессе я вспомнил, что и сам ношу всю жизнь вполне римское имя. По-латыни Felix означает – Счастливый. Видимо, так оно и есть.

Р. С. Я отсканировал фото с портретом, сделанные в Колизее, и отослал их по электронной почте Саше Ануфриеву, который давно живет в США, а он в ответ – свои новые работы.

Портрет на фоне Колизея

Тане

...Сорок с лишним лет назад, воображение имея,
Саша А. писал портрет: я на фоне Колизея.
Был я тогда отменно рыж, тучи мчались, словно галки...
Мы не в Риме были с А., а в одесской коммуналке.
На холсте том – воплощенье гладиаторских потех,
за окном – девичий смех, салки, жмурки и скакалки...
...Сорок с лишним лет спустя в предвкушеньи мавзолея...
Сорок с лишним лет спустя, нетерпение имея,
мы с Татьяной подошли к камням щербатым Колизея.
Все ты, Саша, угадал – и про небо, и про тучи...
Но в коммуналке было лучше.
"Жизнь промчалась словно сон..."
За банальнейшую рифму вряд ли буду я прощен.
"Память юностью согрета..."
Не судите, господа, местечкового поэта.
Вот вам новость – навсегда:
в Колизее есть туннель, но только в нем не видно света.
Я над головой поднял репродукцию портрета...
Был ли смысл в сеансе том? Жду, не нахожу ответа...
Вспомнил тех, кого уж нет:
тех художников гонимых,
их завистливых коллег,
критикесс непримиримых...
Стих мой явно затянулся.
Понят мною ваш намек.
Вот и папа римский подошел к оконцу,
в Ватикане блимкнул огонек...
Пора нам собираться в путь – мы засиделись за границей.
Признаюсь: надоела пицца.
В Одессе ждут нас борщ, компот, котлета.
Пожалуй, вот и все про мой портрет.
Как в Риме говорят, конец *cupletta*.

Вечный город

А. Б.

Да будь ты хоть негром преклонных годов
иль обладатель тугих кошельков...
Ниспровергатель марксистских основ,
а в прошлой жизни – погонщик ослов...
Да будь ты из яйцеголовых,
схолостов – на все и за сколько готовых...
Да будь ты хотя бы из мудаков,
из нудных таких стариков...
Да стань ты и впрямь журналист-моралистом,
имеющим зуб, но со свистом...
Или блестящим пианистом-солистом.
Да будь ты из квелых старушек-лифтерш,
что видят во сне заводных стриптизерш...
Да будь из парнишек фарговых
и барышень ихних – добрых и клёвых...
Иль ловишь ты ловко воришек махровых
и греешь подагру в носочках махровых –
хотя и не новых...

Пусть ты изобрел адронный коллайдер,
хотя ты в любви – отстой-аутсайдер.
Да будь, черт с тобой, ты из клятых совковых...
Того и гляди – из Галактик сверхновых!
Ну нет у меня больше рифм – пусть хреновых!
Беру тебя крепко за ворот!
За мной повтори и запомни, сынок,
что
РИМ – ВЕЧНЫЙ ГОРОД!

1 января 2011 года
Рим
Фото автора

Стас ЖАЛОБНЮК

SPQR

Италия занимает меня давно — с детства, когда я впервые увидел репродукции картин Рафаэля, Ботчеллии, Караваджо. Я еще ничего не знал об этих художниках, но уже чувствовал их магическую власть надо мной...

А спустя годы я как бы вновь ощутил работы этих гениев в преломлении великих кинорежиссеров — Феллини, Антониони, Росселини, в книгах Умберто Эко...

Но увиденная воочию Италия оказалась и такой, какой ее являют нам эти Мастера, и совсем иной. Какой? Над этим мне еще придется немало поразмышлять.

Многое потрясает меня в этой стране. И прежде всего, — Рим. Основа государственности, самосознания и реализации итальянцев в современном мире.

В столице цезарей меня заворожила аббревиатура из четырех букв: SPQR. Это — начальные буквы латинской инвективы: "Senatus populus que romanus", что означает "Сената и народа Рима". Она встречается на колоннах храмов, стенах дворцов, на камнях Колизея.

Как и тысячелетия назад, все это принадлежит Риму. Принадлежит человечеству.

